

Михаил Лабащук

Универсальный и лингвистический характер метафоры

Acta Universitatis Lodziensis. Folia Linguistica Rossica 2, 17-30

2006

Artykuł został opracowany do udostępnienia w internecie przez Muzeum Historii Polski w ramach prac podejmowanych na rzecz zapewnienia otwartego, powszechnego i trwałego dostępu do polskiego dorobku naukowego i kulturalnego. Artykuł jest umieszczony w kolekcji cyfrowej bazhum.muzhp.pl, gromadzącej zawartość polskich czasopism humanistycznych i społecznych.

Tekst jest udostępniony do wykorzystania w ramach dozwolonego użytku.

*Михаил Лабащук**

УНИВЕРСАЛЬНЫЙ И ЛИНГВИСТИЧЕСКИЙ ХАРАКТЕР МЕТАФОРЫ

Говоря о метафоре, необходимо выделить ту ее сущность, которая является универсальной для любых семиотических явлений и процессов (и не только семиотических, поскольку метафорой нередко называют не только семиотические явления!), и ту сущность, которая характерна для метафоры лингвистической. Тем самым мы выделим **универсальные** характеристики процессов метафоризации (которые при ближайшем рассмотрении оказываются в гораздо большей степени объемлющими наше мышление) и выделим специфически **лингвистические** аспекты метафоризации, которые также оказываются гораздо более охватывающими собой лингвистические явления и процессы, чем это до сих пор констатировала традиционная грамматика и семантика. Метафорой в универсальном значении мы можем назвать все те случаи, в которых при определенных проявлениях деятельности одна связь явлений соотносится по аналогии (необязательно осознанной; даже, скорее, по аналогии неосознанной) с другой связью подобных и – по определенным критериям – взаимозависимых явлений.

Универсальная сущность метафоры определяется универсальностью природы оперирования информацией, а именно: бесконечность информации разного типа, в которой существует субъект, сводится им в ограниченные функциональные блоки или модели информации, которые, с одной стороны, хотя и ограничивают и упрощают информационные потоки, но, с другой стороны, значительно облегчают восприятие, обработку и дальнейшую передачу информации, что бесспорно способствует повышению эффективности существования в информационных потоках. Человек воспринимает информацию **только через модели** восприятия информации, которые имеются на каждый определенный тип информации (напр., сенсорная, чувственная,

* Uniwersytet Łódzki.

наглядная, отвлеченная и др.), а в дальнейшем соотносятся и сравниваются с другими типами информации, что неизбежно создает асимметрию соотношения типов информации (и что лежит в основе процесса метафоризации).

Универсальный характер метафоры предполагает возможность сведения любого проявления психической деятельности к метафоре (в виде аналогической пропорции). Например, любая тривиальная актуализация языкового значения представляет собой именно такую пропорциональную аналогию метафорического переноса. Говоря «Иван пришел», мы в тривиальной и минимальной модели соотносим представление о форме «Иван» со значением 'обобщенное имя собственное для наименования субъекта... и т. д. (с видовой спецификацией данного языкового значения)' и конкретную форму «Иван» с конкретным представлением об определенном человеке по имени Иван. Приведенный пример можно считать самым тривиальным представлением модели метафоры, или, точнее, модели аналогии. В более сложном понимании метафора – это осознание разницы между (1) – уже освоенным и привычным и (2) – неизведанным, эвристически прогнозируемым (рационально-логическим или образно-эстетическим).

Такое определение было бы достаточным, если бы оно не представляло только гносеологический аспект метафоры, оставляя значительно в стороне ее онтологический аспект. Но определение онтологического аспекта метафоры более кратко: метафора – это освоение новизны в типологии деятельности через соотнесение (аналогию) с уже утвердившимися моделями деятельности. Хорошо иллюстрирует данное положение следующее семиотическое определение Ф. Соссюра: «Аналогия представляет собой ассоциацию форм в уме, обусловленную ассоциацией выражаемых ими идей» (Соссюр 1990: 50). Данное определение можно приблизить в большей мере к универсальности, если заменить некоторые представления и нестрогие термины, напр., «формы» и «идеи», на близкие им (близкие по смежности или по сходству) «модели» и «результаты-эффекты» деятельности, что подчеркнет функционально-прагматический аспект деятельности. И тогда универсальное определение метафоры приобретет следующий вид: «метафора как новое в деятельности представляет собой соотношение моделей деятельности, обусловленное соотношением результатов этой деятельности».

В данном определении представлены как инвариантные единицы (модели), так и деятельностные единицы (результаты), чем смешивается способ деятельности с самой деятельностью и ее результатом. Однако сама метафора тоже не является логически однозначным явлением, так как можно выделить общесемиотические модели метафоры, стертые метафоры, живые метафоры, различные типы метафор и др. Следует

обращать внимание именно на прояснение специфических особенностей данных отмеченных форм существования и проявления метафоры (моделей метафоры, языковых метафор, речевых метафор, метонимий и др.).

1. ОНТОЛОГИЧЕСКАЯ СУЩНОСТЬ МЕТАФОРЫ

Метафора – это способ получения качественно нового знания независимо от того, осознает ли субъект этот способ и эту новизну или нет. Не все в деятельности субъекта сводится к сознанию и к осознанности – собственно метафора и является одним из таких явлений.

Как мы отметили, метафора – это способ получения качественно новой информации. Качественно новая информация не может быть получена аналитическим путем, то есть в результате извлечения информации из уже очерченного и используемого объема информации. Она может быть получена только синтетическим путем, путем использования информации качественно разных объемов информации, что требует отличающихся от уже привычных для субъекта способов оперирования информацией.

Обыденному сознанию кажется, что оно достоверно воспринимает предметы и явления окружающего мира и что этим и исчерпывается весь процесс восприятия. Сомнения начинают возникать только тогда, когда выясняется, что предметам и явлениям присущи свойства, которые не соответствуют видимой и привычной реальности. Более реалистичному пониманию информационных процессов соответствует осознание того, что в восприятии онтологична не идентичность информации, а онтологично преобразование информации в разного рода способностях субъекта. Информация не воспринимается, а создается и преобразуется субъектом. Свою злую роль в шаблонизации мышления в который раз сыграла стертая метафоричность вербального мышления: столь часто употребляемая лексическая единица «восприятие» деспотично направляла и направляет внимание на онтологическую статику психической деятельности, что является методологической основой позитивизма и феноменологизма. Тем самым оставались на втором плане онтологический динамизм и активная включенность субъекта деятельности не только в качестве восприятия ситуации, но и в качестве предпосылки восприятия, его основы (собственно в качестве основы создания ситуации).

То есть, внутренняя форма и значение термина «восприятие» акцентируют главным образом идею пассивного получения информации

субъектом, затеняя или отодвигая на задний план идею активного формирования информации субъектом в деятельности. В актуальной предметно-практической и социально-коммуникативной деятельности имеют место частично (а для конкретного индивида или вида его деятельности в разной мере) как пассивное восприятие аспектов видимой или представляемой ситуации, так и активное формирование и преобразование этих аспектов. Поэтому не является функционально и методологически оправданно при создании общей теории деятельности субъекта акцентировать пассивность субъекта в ущерб возможному утверждению активной позиции субъекта.

В истории философии и науки нередко употребляется термин именно «метафора» для наименования функциональной связанности преобразованных, но взаимно соотнесенных типов деятельности, информации и знаний. Вполне оправданно назвать многообразные способности и умения субъекта его знаниями (в данном случае не связывая значение лексической единицы «знание» с многочисленными существующими на современный момент терминологическими и логическими интерпретациями категории «знание» в разных отраслях науки). Исследуя метафору и говоря о ней как о явлении не только осознанного и логического порядка, но и порядка в значительной мере спонтанно-чувственного, следует принимать во внимание и способности субъекта не только рационально-логического порядка, но и способности интуитивно-чувственные и образные, которые тоже являются его знаниями. Следовательно, знаниями субъекта мы называем его онтологические способности к разного рода как безусловно-, так и условно-рефлекторной деятельности (то есть, знания как способности). Универсальность и онтологическая сущность метафоры, как мы отмечали, именно и состоит в соотнесении информации, продуцируемой разного рода способностями субъекта.

В характеристике знаний субъекта как разного рода способностей и умений в потенции можно сослаться на философскую традицию выделения разных видов знания и познания. Например, еще Талес выделял знание спонтанное и системное, а Парменид, Гераклит и Протагор различали чувственный и рациональный типы познания. Демокрит также различал два типа знания – истинное и темное; истинное знание – это то, которое представляет субъекту разум; наоборот, к темному знанию, по мнению Демокрита, принадлежит все то, что представляется зрением, слухом, обонянием, осязанием и др. Подобным образом и И. Кант различал смутные и отчетливые представления, которые репрезентируют в его теории разные уровни осознания субъектом своих способностей и овладения этими способностями.

В сознании субъекта действительно имеются и более, и менее отчетливые представления и знания. Когда мы видим дерево, мы не осознаем и не осмысливаем того, что у нас в сознании слиты в единое нераздельное целое компоненты, среди которых как минимум следующие: сенсорное восприятие, чувственно-ментальный образ дерева, его понятие и его семиотический знак (конечно, с собственными значением и внутренней формой). Чувственный образ, который мы имеем, когда смотрим на дерево, не является самим деревом точно так же, как и слово «дерево» (которым мы можем обозначить понятие дерева и наш чувственный образ) не является собственно этим образом. Об этом же и Ф. Соссюр: «Все без исключения способы выражения представляют собой образные выражения. Досадным является также и то, что нельзя ни обойтись без этих образов, ни решиться принять их» (Соссюр 1990: 101), а также: «Запретить фигуры – значит объявить себя обладателем всех истин, иначе вы окажетесь совершенно не в состоянии сказать, где начинается и где кончается метафора» (там же: 124). Даже более решительно то же самое утверждает А. Ричардс: «Метафорична сама мысль, она развивается через сравнение, и отсюда возникают метафоры в языке», «владение метафорой – это величайшее из искусств только потому, что это владение жизнью» (Ричардс 1990: 47).

Широкое употребление термина или даже просто слова «метафора» все же позволяет понять исходную мысль исследователя, а соответственно и суть проблемы. Многие явления психической деятельности могут быть метафорой (и могут быть названы метафорой, пусть даже и не в семиотическом понимании) только потому, что (и только тогда, если) мы можем в исследовании восстановить их полную структуру из их латентной (не менее чем четырехчленной) структуры. Но эта структура (как вербальная, так и невербальная), хотя многими авторами и называется метафорой, часто (скорее, даже чаще, чем реже) бывает не восстановлена. О ней можно только догадываться. Между тем называется она привычно и традиционно (а потому и не особенно критично) именно метафорой.

Онтология метафоры базируется на этапности преобразований информации, структурировании этой информации в блоки и во взаимосотнесении этих блоков по аналогии, причем, это свойственно деятельности не только понятийно-логической, семиотической или образно-чувственной, но эмоционально-аффективной, сенсорно-физиологической и др. Например, новые ориентировочно-двигательные способности организма по сравнению со старыми и привычными также можно считать стершимися метафорами двигательных способностей организма (см. выше наше определение аналогии: «новое в деятельности представляет

собой соотношение моделей деятельности, обусловленное соотношением результатов этой деятельности»), а, в свою очередь, новое их преобразование можно считать живыми метафорами движения и ориентации. Данной аналогией мы вовсе не стремимся утвердить универсальность термина «метафора», но подчеркиваем универсальность преобразования информации в способностях субъекта, а именно: ее дискретизацию, анализирование, организацию в блоки, синтезирование дискретных блоков разных типов, соотнесение блоков между собой и др. Причем, информационный уровень представленности метафоры неразрывно связан с формальными структурами ее представленности. В основе лингвистической метафоры лежат именно данные виды оперирования информацией.

Экспериментальная физиология, как мы отметили выше, свидетельствует, что мы получаем из внешнего мира лишь часть информации, которая опять же обрабатывается и используется субъектом тоже лишь частично. В основе моделирующей способности субъекта находится тотальная асимметрия этапных и взаимодействующих преобразований информации. Воспринимаемая сенсорно-чувственная информация принципиально преобразует в восприятии внеположный субъекту мир «вещей-в-себе», эти ощущения вновь преобразуются в совершенно иную форму наглядно-аффективных актуальных и образно-эмоциональных ментальных представлений, которые далее принципиально преломляются в форму инвариантных и актуальных понятийных и семиотических единиц, в том числе в первую очередь единиц системы языка.

Так же и в обратном порядке (необязательно однозначно последовательном) единицы разного уровня системы языка и тексты преобразующе воздействуют на понятийную, эмоциональную и, бесспорно, даже сенсорно-чувственную информацию и способность восприятия субъекта. Можно привести много свидетельств в пользу функциональной взаимообусловленности, однако несимметричности и неравноценной соотнесенности сенсорно-чувственных, образно-чувственных, понятийно-мыслительных и вербально-мыслительных способностей, состояний и знаний субъекта и особенно много свидетельств разного понимания их соотношений в научно-философских методологических подходах. Вызывающими доверие среди всех этих мнений и наиболее проверяемыми остаются факты преобразования информации в способностях субъекта и факт действительной асимметрии способностей субъекта: то, как мы сенсорно ощущаем, является не таким, как мы эмоционально чувствуем; в свою очередь, эмоциональные переживания не тождественны их осмыслению; осмысление опять же не равно семиотическим процессам и результатам их (эмоциональных переживаний) вербализации.

2. ГНОСЕОЛОГИЧЕСКАЯ СУЩНОСТЬ МЕТАФОРЫ

В основе объяснения функционирования метафоры (метафоры в самом общем понимании) мы определили, как отмечено выше, категорию «знание» в широком смысле, знание как способности. Это, в первую очередь, кантовское понимание знания: «Во всем возможном опыте как целом заключаются все наши знания» (Кант 1966, т. 3: 226). Это также более лингвистически специализированное разделение знаний (восходящее к А. Потемне и И. Бодуену де Куртене) на три типа – чувственно-образные, научно-теоретические и языковые знания: «Мы вправе считать язык особым знанием, то есть мы вправе принять третье знание, знание языковое, рядом с двумя другими – со знанием интуитивным, созерцательным, непосредственным, и знанием научным, теоретическим» (Бодуен де Куртене 1963, т. 2: 79). И, наконец, это теория Л. Выготского онтогенеза или становления знаний субъекта, а именно теория смыслового структурирования знаний, систематизирования и иерархирования смыслов в сознании (Выготский 1982, т. 2: 136–177).

Таким образом, на указанной методологической основе мы вполне резонно выделяем в сфере знания не только понятийные и семиотические явления, но и сенсорные, чувственные, образные и др. Как мы отметили выше, эти знания и способности субъекта представляют онтологический уровень их представленности. Однако мыслительно-отражающая (рефлексивная), обобщающая и познавательная способность субъекта строит (параллельно самой реализации способностей в деятельности организма) рационально-логическую модель своих собственных способностей, процессов их реализации, результатов этих процессов и взаимодействия способностей. Совокупность исходных аксиом, методов и приемов исследования создает гносеологический уровень способностей субъекта, например, языковой способности субъекта (и, в частности, проявлений метафоры).

Почему же мы определяем некоторые явления действительности как метафору? При всей его многозначности и многофункциональности термином «метафора» мы не называем произвольно любые явления психической и семиотической деятельности. Даже на неосознанном уровне есть ограничения в употреблении этого термина, тем более это должно быть справедливо в научном типе мышления. Метафора не существует вне субъекта, часто даже говорят, что метафора является полностью субъективной в сравнении с объективностью языка. Причем, это утверждают даже те, кто признает объективность языка и объективность его познавательных способностей. Материализм, например, утверждает адекватное отражение действительности органами

чувств, сознанием и языком субъекта; субъективный идеализм и рационализм утверждают, скорее, отсутствие какой-либо связи между внешней действительностью и сознанием (= языком). Критическая философия И. Канта утверждает, что такая связь есть, но причина, источник и качество этого источника для нас абсолютно непознаваемы. При данных отличиях тем не менее во всех этих методологических подходах метафора признается субъективным явлением.

Методологической позицией определяется заключение о том, что же именно отражает метафора: какие-то объективные отношения в действительности и вне субъекта или же метафора отражает исключительно субъективные представления. Значит ли это, что основания, определяющие к жизни метафору (в ее универсальном и наиболее обобщенном понимании), субъективны полностью, или же они субъективны только частично (и в чем состоят эта полнота или частичность)? Здесь возможно бесчисленное множество вариантов ответа, рассмотрим среди них следующие два (наиболее ярко характеризующие сущность проблемы). Подчеркиваем, что в данном случае рассматриваем именно гносеологические основания, определяющие метафору.

Первый способ понимания (в отношении метафоры его можно назвать эмпиристским) того, чем вызывается к жизни метафора, состоит в признании **объективного** влияния на субъекта внешних вещей, их **объективное** чувственное восприятие и такое же **объективное** рациональное познание их свойств. Вместе с тем, данный подход признает, что чувственное восприятие **объективных** вещей способно вводить познание в заблуждение, поэтому необходима постоянная практика, подтверждающая **объективное** соответствие внешних вещей нашему представлению о них (то есть, представлению как соотношению наших чувственных восприятий с системой понятий субъекта). В представленном выше способе понимания мы подчеркнули везде аспект объективной предрасположенности к метафоре как особо характерную и принципиальную черту данного подхода. Такова методология эмпирического позитивизма и материализма.

Второй способ понимания (в отношении метафоры его можно назвать эстетическим) того, чем вызывается к жизни метафора, состоит в признании абсолютной **субъективности** чувственных восприятий и в признании такой же субъективности упорядочивания этих восприятий в логических полях рациональной способности субъекта (в зависимости от социально-предметной исторической практики). Такова методология функционального прагматизма. Сходство между двумя данными способами понимания состоит в том, что оба они признают субъективность восприятий, но, если первый признает лишь времен-

ность, промежуточность субъективности между объективностью внешнего мира и объективностью рационального познания, то второй признает только абсолютную субъективность познания.

В первом способе понимания метафора обслуживает только эту временную промежуточную субъективность в познании, а во втором способе все познание является метафорой в ее универсальном понимании. Обобщить отмеченные закономерности можно, сославшись на следующую нередко поднимаемую и окончательно не решенную проблему: нечто новое мы получаем в результате того, что мы обнаруживаем это новое в явлениях мира, или в результате того, что мы творчески создаем это новое сами? (см. Арутюнова 1990: 9) Крайние подходы в интерпретации метафоры сводятся именно к данным противоположностям.

Однако данные крайности в понимании источника новизны информации частично и компромиссно снимаются иной постановкой проблемы: новое совсем необязательно можно обнаруживать только в так называемом внешнем мире, новое с таким же успехом можно находить или формировать из наших многочисленных представлений разного уровня, выше нами обобщенно названными лексической единицей «знания».

3. СЕМАНТИКА МЕТАФОРЫ И МЕТОНИМИИ

Невозможно однозначно ответить ни положительно, ни отрицательно на вопрос, субъективна метафора или объективна, как и на вопрос, конкретна она или абстрактна. Точнее, мы не сможем ответить именно в ограниченных рамках поставленности этих вопросов. Как это нередко бывает, собственно формулировка вопроса запутывает иногда более, чем сама сущность вопроса. Однако мы можем ответить на вопрос конкретнее, если точнее определим, что мы имеем в виду в вопросе, а именно: что мы понимаем под терминами «метафора», «субъективность», «объективность» и др. На наш взгляд, метафора объективна, если она функциональна. Пусть какая-либо метафора слаба, не нова, неудачна и др., но если она целью имела именно это, то она функциональна, и, наоборот, если она целью имела новизну, яркость и оригинальность, то она субъективна и нефункциональна.

Точно так же под самим термином «метафора» можно понимать разные психосемиотические категории: модель метафоры, метафору языковую стертую или яркую речевую, метафору или метонимию и др. Например, при одной и той же формальной структуре выраженности

определенный изобразительный прием будет являться для говорящего метафорой, если он переносит наименование по сходству (как взаимопроникновение понятий), и будет являться метонимией (например, для слушающего), если слушающий при восприятии будет переносить то же самое наименование по смежности (то есть, как отождествление отдельного признака со всем понятием в целом).

Определенный исходный смысл преобразуется (семантизируется) мыслительной деятельностью субъекта в речевой деятельности. Мы считаем первым базовым приемом семиотизации мыслительных процессов номинативный прием тождесловия как прием и стремление назвать наиболее привычным и хорошо знакомым знаком наиболее подходящее ему явление внесемиотической действительности. Однако в динамичном и меняющемся мире по разным субъективным или объективным причинам такое наименование иногда бывает недостаточным или невозможным. В связи с субъективными или объективными обстоятельствами сомнения в точности наименования, обстоятельствами поиска отсутствующего знака, возможностями использования нескольких синонимичных знаков субъект бывает вынужден экспериментировать, создавать новые наименования или доказывать точность, непригодность или невозможность наименования. Поэтому вторым базовым приемом семиотизации мыслительных процессов является иносказание как прием и стремление выразить новый смысл через уже известное наименование. Иносказание является более сложным приемом семантизации, или преодолением тождесловия. Однако в связи с тем, что в типологии речевой деятельности в разных типах вербализации по-разному протекает семиотизация, во многом отличается в этих типах и качество приемов тождесловия и иносказания.

В обыденном типе речемышления, в котором рефлексирование снижено, процессы семиотизации проявляются в актуализации узуальных значений языка в виде полностью стертых метафор, уже не осознаваемых как метафоры, либо в виде частично стертых языковых метафор. В рациональном или в эстетическом типах речемышления может быть продуктивно вербализовано стремление субъекта как-то нетривиально выразить исходное привычное чувственно-мыслительное смысловое пространство (то есть нетривиально соотнести чувственные состояния с понятийной и языковой лексической системой или нетривиально использовать внутриформенный потенциал языка). В научном типе речемышления семантизирование способом тождесловия проявляется чаще всего в виде термина (нередко с живой или стертой метафорической или метонимической – по сходству и смежности – образностью, то есть с сохранением разной степени образности).

В художественном типе речемышления семантизирование проявляется чаще всего в метафорическом или метонимическом иносказании, то есть с разного рода образностью с таким же сохранением и выверенностью (необязательно осознанными) пропорционально-логических формальных отношений.

4. СПОСОБЫ СЕМАНТИЗИРОВАНИЯ РЕЧИ И ИХ ЯЗЫКОВЫЕ СРЕДСТВА

Ниже таблица № 1 показывает базисность обыденно-мифологического мышления в отношении к мышлению рационально-логическому и образно-эстетическому. Логическое вербальное мышление мы не отождествляем с логическим понятийным мышлением: они являются близкими, соответствуют друг другу в большой мере и тем не менее они асимметричны. Точно так же не являются тождественными образно-чувственное мышление и эстетическое вербальное мышление.

Таблица 1

Типология вербального мышления

	Логическое понятийное мышление Логическое вербальное мышление
Обыденно-мифологическое мышление	
	Эстетическое вербальное мышление Образно-чувственное мышление

Таблица № 2 показывает способы семантизирования в основных типах речемышления – обыденном, научном и эстетическом. Семантизирование способом тождесловия в обыденном типе речемышления приобретает форму мифологизирования.

В научном типе речемышления тождесловие распадается на два типа номинации, которые представлены в двух подходах понимания семантики терминов (а именно требований к точности терминов). Нередко поднимаемая проблема точности терминов может быть частично решена следующим образом: термины должны быть точными в отношении к обозначаемым понятиям и не могут и не должны быть точными в отношении к обозначаемым референциям.

Эстетический тип речемышления представляют два основных приема иносказания – метафора и метонимия.

Таблица 2

Способы семантизирования в основных типах речемышления

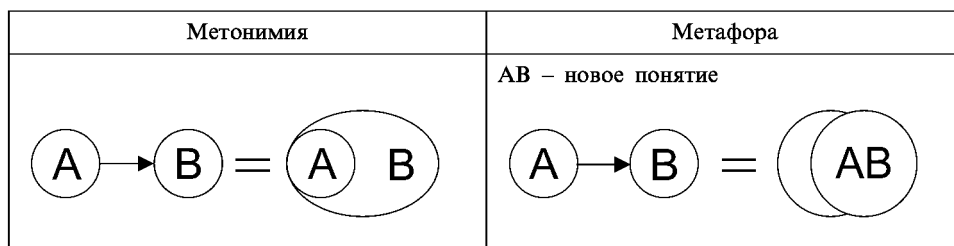
Иносказание	Тождество
(изобразительные приемы)	(терминосистема)
1. Метафора (тенденция к тождеству – системность в понятийной классификации).	1. Термины должны быть точными (Л. Витгенштейн).
2. Метонимия (тенденция к асимметрии – устойчивые связи в полевой наглядности, отсутствие системности).	2. Термины не должны и не могут быть точными, это тоже метафоры (Ф. Соссюр, Л. Поппер, Э. де Боно).
	мифологизирование (язык в форме социолекта – узус)

Обыденно-мифологическое мышление номинирует референции способом тождества знака самому референту знака. Логическое понятийное мышление через логическое вербальное мышление рефлексивно номинирует референции способом тождества знака понятию. Образно-чувственное мышление через эстетическое вербальное мышление номинирует способом иносказания знак понятия через знак другого понятия или референта.

Таблица № 3 демонстрирует общее отличие семантики метонимии от семантики метафоры.

Таблица 3

Семантика метонимии и метафоры

В метонимии наименование А переносится на наименование В, при этом значение наименований А и В остается неизменным, однако в наименовании В в результате переноса акцентируется определенный его денотативный семантический признак. При семантизации смыс каждого наименования остаются в пределах своих объемов значений,

синтетичность же задается исходно – значения и понятия не изменяются.

Поэтому метонимия – основное изобразительное средство в отображении внешнего мира (точнее, чувственно-наглядных представлений), она успешнее передает недискретность.

В метафоре наименование А переносится на наименование В, при этом переносе классификационно неоднородных понятий или значений (минимум двух) происходит неизбежное **взаимопроникновение** значений данных семиотических единиц через их **категориальные и денотативные** семантические компоненты, синтетичность задается интенцией субъекта – **формируется новое понятие**.

Метафора – основное изобразительное средство в отображении внутреннего мира (точнее, в освоении внутреннего логического пространства). Метафора успешнее передает категоризирование, направленность на иерархирование понятий и категорий.

Ниже таблица № 4 уточняет понятие «логического тождесловия». Логическое мышление стремится все денотативные семы перевести в категориальные, что, конечно же, невозможно. Поэтому в логическом мышлении можно выделять два типа тождесловия: метафорическое тождесловие и метонимическое тождесловие.

Таблица 4

Логическое тождесловие

	Метафорическое тождесловие (научная метафора)
Логическое (мышление) тождесловие	
	Метонимическое тождесловие (нестрогий термин)

Метафорическим тождесловием является тождесловие значения знака через сходство внутреннего образа знака (научная метафора). Метонимическим тождесловием является тождесловие значения знака через смежность денотативного значения знака (стертая метонимия, нестрогий термин).

Ниже таблица № 5 уточняет понятие «эстетического иносказания». Эстетическое мышление стремится все категориальные семы перевести в денотативные, что невозможно. Однако само стремление реализуется в двух типах иносказания – метафорическом и метонимическом.

Эстетическое иносказание

	Метафорическое иносказание (эстетическая метафора)
Эстетическое (мышление) иносказание	
	Метонимическое иносказание (эстетическая метонимия)

Метонимический способ изображения – путь чувственно-аналитического вычленения присущих сем (присущих чувственно-наглядному восприятию) с последующим разворачиванием их в тематическое синтаксирование. Здесь синтетичность дана заранее, исходно.

Метафорический способ изображения – путь синтетического приписывания сем (причем, именно сем, неприсущих понятию). Здесь синтетичность создается интенцией субъекта.

Исходя из отмеченной типологии семантизации, научная (когнитивная) метафора и индикативная (эстетическая, стертая или живая) метафора во всем сходны между собой, кроме объекта номинации: первая номинирует абстрактно-образное гипотетическое понятие, а вторая – конкретно-чувственную предметность.

ЛИТЕРАТУРА

- Арутюнова Н., (1990), *Метафора и дискурс*, [в:] *Теория метафоры*, ред. Н. Арутюнова, М. Журина, Москва, с. 5–32.
- Бодуен де Куртене И., (1963), *Избранные труды по общему языкознанию*, т. 2, Москва.
- Выготский Л., (1982), *Мышление и речь*, т. 2, Москва.
- Кант И., (1966), *Собрание сочинений в 6 томах*, т. 3, Москва.
- Ричардс А., (1990), *Философия риторики*, [в:] *Теория метафоры*, ред. Н. Арутюнова, М. Журина, Москва, с. 44–67.
- Соссюр Ф., (1990), *Заметки по общей лингвистике*, Москва.